

МОДЕЛЬ «ЗЕЛЕНОГО» БАНКИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

КОЛЬЦОВ Артем Николаевич, аспирант¹

¹Кафедра экономики и финансов предприятий и отраслей,
АНО ВО «Международный банковский институт имени Анатолия Собчака»,
Санкт-Петербург, Россия

Адрес для корреспонденции: Кольцов А.Н. 191023, Санкт-Петербург, Невский пр., 60

Аннотация

Статья посвящена вопросу актуальной перестройки модели функционирования банковского сектора в условиях возрастающего давления универсальной общечеловеческой инициативы «17 целей устойчивого развития ООН» на отраслевые стандарты ведения бизнеса, в том числе инициативы реформы в банковском секторе, получившие обобщенное наименование «зеленый банкинг». Новые приоритеты финансового бизнеса, вытекающие из целевых установок ООН, уже реализуются в различных добровольных союзах и ассоциациях банков и инвестфондов, в совокупности управляющих ключевыми долями (ок. 50%) финансов в мировом масштабе. По существу, постепенно устанавливаются новые стандарты ведения бизнеса, в том числе инвестиционной активности. Российский банковский сектор пассивно наблюдает за развитием «зеленой» тенденции, и это угрожает снижением конкурентоспособности не только самого сектора (он фактически не конкурентоспособен на мировом рынке), но и национальной экономики, которая может потерять инвестиционную привлекательность для крупных зарубежных инвесторов. В статье обосновывается неизбежность вовлечения российских банков в «зеленое движение» и необходимость государственных мер по стимулированию создания новой модели банковской системы в интересах национальной экономики.

Ключевые слова

Цели устойчивого развития, принципы ответственного инвестирования, «зеленый банк».

«GREEN» BANKING MODEL AS A TOOL FOR GLOBAL COMPETITION

KOLTSOV A.N., postgraduate¹

¹Autonomous nonprofit organization of higher education
«International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak »,
Saint-Petersburg, Russia

Address for correspondence: 191023, Russia, St. Petersburg, Nevsky prospect, 60

Abstract

The article focuses on the actual restructuring of the function model of the banking sector under increasing pressure universal initiative «17 Sustainable Development Goals of the UN» on the common standards of doing business, including initiatives in the banking sector, which received the generic name of «green banking». The new priorities of the financial business arising from the UN targets are already being implemented in various voluntary associations of banks and investment funds that collectively manage key shares (approx. 50%) of global finances. In fact, new standards of business conduct, including investment activity, are gradually being established. The Russian banking sector is passively watching the development of the «green» trend, and this threatens to reduce the competitiveness of not only the sector itself (it is actually not competitive on the world scale), but also the Russian state economy, which may lose its investment attractiveness for large foreign investors. The article substantiates the inevitability of involvement of Russian banks in the «green movement» and the need for government forces to stimulate the design of a new model of the banking system in the interests of the national economy.

Keywords

Sustainable development goals, principles of responsible investment, «green bank».

Введение

Анализ негативных тенденций развития цивилизации, выполненный по заказу ООН, привел в 2000 году к формулированию этой глобальной организацией 17 целей устойчивого развития (ЦУР) [1]. Движение к заявленным целям должно обеспечить минимизацию ущерба человечеству от его мультифакторного взаимодействия с природой во всех формах этого взаимодействия – от извлечения энергии и пищевых ресурсов до борьбы с бедностью в социальных системах и сохранения биоразнообразия в море. Практическое принятие глобальных целей ООН в разных социально-экономических системах проявляется в последовательной трансформации старых норм общественной жизни и предпринимательства в новые стандарты и принципы, согласованные с ЦУР. Трансформацию, с экономической точки зрения, можно рассматривать как попытку умалить роль «прибыли» в оценке эффективности развития рыночной экономики в форме современного капитализма и заменить ее «общественным благом» как более справедливым критерием. Предполагаемым результатом видится снижение размера ущерба от кризисов за счет более устойчивого «бескризисного» развития в интересах общественного блага, по сравнению с гонкой за прибылью. Вторая глобальная задача просматривается в смене приоритетов планетарного распределения выгод, которые сейчас получают преимущественно государства «старого западного мира», контролирующие глобальную финансовую систему. Роль «нового восточного (очень условно) мира» объективно

возрастает, во-первых, на основе преобладающего там прироста трудовых ресурсов и, во-вторых, проявления интересов крупных «восточных» диаспор непосредственно во властных институтах «старого западного мира». Это позволяет новому экономическому и политическому субъекту требовать перераспределения глобальной ренты в свою пользу.

На отраслевом и корпоративном уровне бизнеса принятие ЦУР как практического ориентира развития приводит к дополнительному обременению традиционных бизнес-процессов, изменению исторически достигнутых и привычных параметров рентабельности, пересмотру принципиальных подходов к оценке конечной эффективности общественной деятельности во всех ее проявлениях. От возведения вертикальных селитебных пространств до селективного сбора ТБО в домашних хозяйствах и спасения вымирающих таксономических видов животных.

Банковская система не может игнорировать глобальный поворот общественных интересов в сторону ЦУР, ведь существовать в условиях противоречий с целями общества бизнес не может. Для поддержания консенсуса с общественными ценностями банковскому сектору необходимо не просто изменить настройки финансовых сервисов или нормативы пруденциального надзора, но принять новые риски активов, новые формы косвенных издержек, возможно, новые целевые уровни рентабельности капитала. Инициативный переход коммерческого банка на новые принципы приведет к снижению его текущей конкурентоспособности хотя бы и в относительно коротком периоде, что, безусловно, негативно воспринимается стейкхолдерами. Но, по сути, «зеленая» трансформация – это не тактический прием, а стратегический поворот бизнеса, и это решение требует большей определенности будущего, которое зависит уже от регулирования сектора, в частности, и, в целом, – от государственной политики в сфере «зеленого развития». Относительно последнего фактора необходимо отметить, что действующая «Климатическая доктрина России» [2] принята 11 лет назад и, очевидно, сегодня не может снизить неопределенность прогнозов для стратегических планов бизнеса.

Цель исследования

Определить контуры новой модели функционирования отечественной банковской системы в условиях возрастающей роли экологических регуляторов в мировой финансово-торговой экосистеме.

Оценка исходного состояния

Существующая модель банковского бизнеса весьма пассивна в отношении поддержки целей устойчивого развития и «зеленых» банков. Основ-

ное внимание уделяется фундаментальным и «безотзывным» задачам ответственного банковского сектора: надежности и отраслевой эффективности системы банков. В банковском секторе России работают 434 банка (01.04.2020), из которых 130 хронически убыточны [3], и примерно у 40 прогнозируется отзыв лицензии в текущем году (без учета негативного влияния режима «повышенной готовности» 03.04.2020 – 31.05.2020.). Очевидно, в таких условиях переход банковского бизнеса на любую новую модель сопряжен с высокими рисками разбалансировки. Для любой реформы нужны силы и стимулы (мотиваторы) для целевого перераспределения ресурсов и минимизации вероятного ущерба, пусть и временного. Собственно коммерческие банки в России не показывают заинтересованности в трансформации на «зеленых» принципах, и для этого есть объективные отраслевые причины. В первую очередь низкая средняя рентабельность бизнеса, не позволяющая производить широкие эксперименты с «зелеными» инвестициями. Кроме экономических причин сдержанности, значение имеют социальные причины, связанные с низкой культурой клиентских отношений [4] и с устойчивым негативным отношением общества к банкам в целом [5]. Это ограничивает текущую эффективность вложений банков в свою «зеленую репутацию». В совокупности такое исходное положение банковского сектора не дает надежд на добровольное (желательно) и быстрое (важно) внедрение принципов «зеленого» банкинга отечественными банками. Необходимо определить иного субъекта, радикально заинтересованного в переводе банковского сектора на принципы, соответствующие ЦУР. Очевидно, что основной выгодоприобретатель от достижения ЦУР – это все гражданское общество. Но «зеленые», даже в формате парламентских партий в Европе, не способны самостоятельно изменить ориентиры для банковского бизнеса. А в России надежд на стимулирующее влияние общества совсем нет. По мнению автора, фундаментально заинтересованным звеном является национальное государство, и мотивирующим властью фактором здесь может быть указана не модная «защита жизни от изменений климата», а прагматичные материальные интересы страны в глобальной конкуренции. Состоятельные государства открыто и остро конкурируют на товарных рынках зерна, запуска спутников земли, нефти, газа, медицинских масок, атомной энергетики и пр., теперь уже используя «зеленые» аргументы в экономическом соперничестве. Например, одной из причин увеличения стоимости прокладки спорного газопровода СП-2 был запрет Дании на использование судами трубоукладчиками донных якорей, которые внезапно стали экологически вредными для биоразнообразия морского дна. Так пере-

стройка мировой экономики под ЦУР меняет условия межгосударственного экономического взаимодействия, меняет ценность конкурентных преимуществ, в том числе и в финансовой сфере. Это определяет необходимость адаптации государства и его банковского сектора к новым условиям конкуренции, которые уже «материализуются» в глобальных мотиваторах.

Глобальные мотиваторы «зеленого» банкинга

Россия фактически не участвует в выработке общих мировых правил новой «зеленой» экономики, кроме участия в Парижском соглашении по климату (2015). Также государство пока пассивно в процессе формирования правил «зеленых финансов». Например, ЦБ РФ вошел в состав международного сообщества по повышению экологичности финансовой системы (NGFS) только в декабре 2019 года [6]. К этому моменту основные документы, разработанные профильными комиссиями ООН и ведущими банками США, Европы (в меньшей степени Азии), уже вступили в силу и начали постепенно формировать новый ландшафт финансового мира. Это признает и сам ЦБ РФ: «Страны, которые не участвуют в выработке правил и стандартов на этом пока еще не зарегулированном рынке, в итоге будут вынуждены принимать условия игры, разработанные более активными игроками» [7]. Примером нового подхода в финансах может служить «Принцип Экватора» – объединение 105 банков и инвестиционных компаний из 38 стран, которые согласовали между собой условия контроля на «экологичность» проектов инвестиций свыше 10 млн долл. США, и консолидированный отказ от кредитования и инвестирования в крупные потенциально вредные для экологии проекты [8]. Другой пример нового подхода – сеть устойчивого банкинга (Sustainable Banking Network), поддерживаемая Международной финансовой компанией, которая объединяет финансовых регуляторов, центральные банки и банковские ассоциации на общих принципах устойчивого финансирования. В настоящее время члены сети представляют 38 стран мира и 43 триллиона долларов, или 86% банковских активов на развивающихся рынках [9], что позволяет говорить о близкой перспективе критически большого перераспределения инвестиционных ресурсов в мировом масштабе.

Есть совершенно конкретные «экологические» мотиваторы для трансформации действующей модели финансовой системы в России, в которой существенную роль играют зарубежные инвесторы и спекулянты. Так, в марте 2020 года 48,2% оборота торгов на МОЕХ формировали инвесторы-нерезиденты. Необходимо учитывать, что значимая часть глобальных институциональных инвесторов, точнее, 1919 организаций различного профиля

(Investment Counsels), добровольно подписавших Принципы ответственного инвестирования ООН (Principles for Responsible Investment, PRI), уже с 1 июля 2020 года начнут вкладывать половину своих активов (45 трлн долл. США) приоритетно в экологичные финансовые инструменты [10]. Действующая у нас модель не готова удерживать таких инвесторов, которые публично обязались следовать положениям PRI. Хотя для отечественной банковской системы, обслуживающей ВВП около 1 трлн долл. США, достаточно и другой половины активов указанных инвестиционных фондов, не обремененной экологическими требованиями.

Почти 50 стран мира ввели обременение на проекты, не соответствующие «зеленым» стандартам. Это в первую очередь углеродные налоги, которые могут существенно повлиять на рентабельность проектов инвестирования и на ценовую конкурентоспособность конечной продукции. По данным МВФ, рекомендуемый уровень налога в 35 долларов США/тонна CO₂-эквивалента, сейчас текущее среднее значение ставки по мировой экономике (около 50 стран) – около 2 долл. При этом в наиболее экологически «озабоченных» странах – Финляндии, Лихтенштейне, Норвегии, Швеции и Швейцарии – уровень налоговой ставки превышает 50 долларов за тонну и временно в Швеции составлял эквивалент 123 доллара США.

Иэн Перри, главный эксперт по экологически эффективной налогово-бюджетной политике в Департаменте по бюджетным вопросам МВФ, отмечает: *«Другие меры политики менее эффективны, чем налоги на углерод. Например, стимулы к производству возобновляемой энергии не содействуют переходу с угля на газ и с этих видов топлива на атомную энергию, не снижают спроса на электроэнергию и, что немаловажно, не способствуют сокращению выбросов за пределами электроэнергетики»* [11]. Такая позиция МВФ стимулирует расширение практики углеродного обременения.

Выполнение обременительных норм «зеленой» экономики может оказаться фактором для применения и стимулирующих, и санкционных инструментов в мировой торговле со стороны значимых мировых регуляторов. Например, в Европейском союзе документом «The European Green Deal» (Brussels, 11.12.2019, COM<2019> 640 final) п. 2.1.1. предусмотрено введение импортных пошлин в отношении внешних поставщиков, использующих при производстве товаров экологически обременительные технологии [12]. Это, безусловно, протекционизм в отношении собственных производителей, которые обременены экологическими требованиями, повышающими себестоимость внутреннего производства. И это мотив переноса экологического

обременения на импорт или ограничения доступа на свой рынок товаров, в том числе – энергоносителей, что крайне важно для России.

Аналитики российского Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА) отмечают, что введение платы за выбросы потенциально грозит российским производителям-экспортерам крупными потерями, так как они будут вынуждены уплачивать дополнительные сборы при поставках в Европу и другие регионы, где действует высокий углеродный налог [13].

Это подтверждают и эксперты ведущей международной аудиторской компании KPMG: «Вместе с тем существуют объективные риски, связанные с перспективой введения трансграничного углеродного налога в Евросоюзе для стран, не контролирующих выбросы на государственном уровне. Также существует значительная неопределенность в части возможности осуществления сделок по передаче углеродных единиц при реализации проектов по сокращению выбросов» [14].

Специалисты Всемирного банка дипломатично угрожают: «... Россия могла бы предпринимать более активные действия в рамках международной повестки в сфере изменения климата, чтобы получить доступ к содействию (в виде технологий, финансовых ресурсов и доступа к рынку) в части диверсификации структуры активов» [15].

Приведенные примеры и мнения формируют перспективу новой волны ограничений российской экономики, которая пока не вписывается в требования соответствия ЦУР.

С другой стороны, возможности правового глобального давления на Россию со стороны экологических оппонентов существенно ограничены тем, что в России уже выполняются контрольные показатели объема выбросов CO₂, соответствующие целям 2030 года по Парижскому соглашению (данные IMF, 2Q2019).

Пионеры новой модели

Отечественные банки не спеша «примеряют» «зеленую» модель на текущее состояние своего бизнеса, следуя публично продвигаемым в СМИ тенденциям ответственного и «зеленого» инвестирования.

Первым примером притяия «зеленой» модели банка можно считать публикацию банком УралСиб нефинансового отчета по стандартам GRI в 2006 году. Такой раздел годового отчета с 2011 года есть у Сбербанка, а в его Отчете 2019 года раздел «Устойчивое развитие» занимает около уже 113 страниц. Аналогичную политику демонстрирует и ВТБ, и Альфа-Банк, уже предлагающий своим клиентам «Альфа Зеленые инвестиции». Однако

эти лидеры не формируют прорыв в секторе. Объем реально «зеленого» финансирования минимален, а основное наполнение «зеленой части» отчета про устойчивое развитие отражает обычные показатели: благотворительная помощь, гендерный состав персонала, возрастной став руководства, организация выплаты вознаграждений, расход бензина служебным транспортом и т.д., которые, правда, подпадают под популярный стандарт нефинансовой отчетности GRI. Особое место в российской группе начинающих «зеленое» движение занимает банк Центр-инвест (51 место в рейтинге РФ по активам, доля иностранного капитала – 78%). За счет продуманной PR-активности и наличию заемщиков из сектора экологически чистого сельского хозяйства этот банк смог занять свое место в списке The Global Alliance for Banking on Values (GABV) [16].

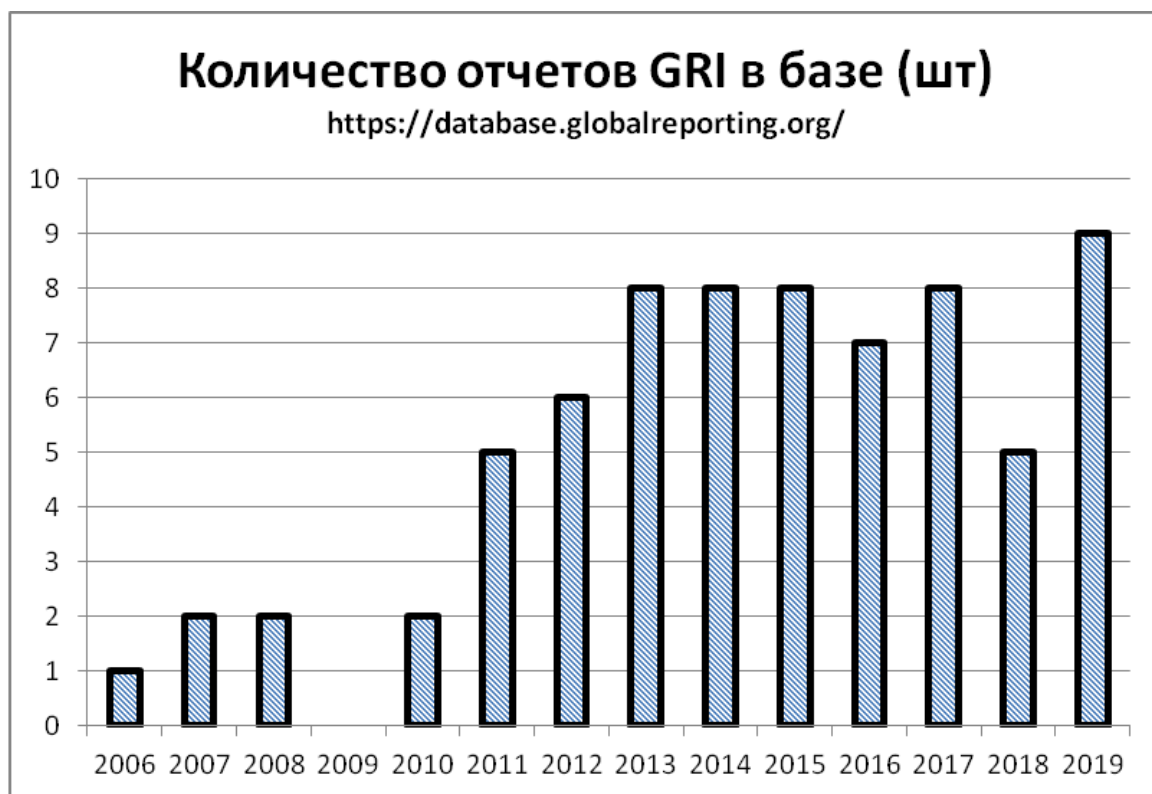

Рис. 1. Динамика количества публикаций отчетов стандарта GRI российских банков
Построено автором по данным [17].

Всемирная открытая база корпоративных нефинансовых отчетов по стандарту GRI [17] показывает за период 2006–2019 гг. только 12 российских банков (из условно 500), предоставляющих хотя бы единожды «зеленые/социальные» отчеты, и отмечает верификацию на соответствие требованиям GRI только одного отчета одного банка за весь период.

В целом замеченная активность единичных отечественных банков в преобразовании бизнеса на платформе «зеленых» принципов начинается с корректировки имиджа и пока там же заканчивается. Это мнение разделяет целый ряд практиков финансового рынка. Например, руководитель отдела управления акциями УК «Открытие» Виталий Исаков отмечает, что *«зеленые инвестиции продиктованы желанием просигнализировать другим людям о своей добродетели»* [7].

Локальные демотиваторы

Коммерческие банки – последнее звено механизма перераспределения финансов, а приоритеты адресного размещения активов определяются коммерческой выгодой кредитного учреждения. Критерии выгоды в действующей модели в перспективе начинают противоречить общественным ожиданиям в сфере экологии и государственным – в сфере глобальной конкуренции.

Банки, безусловно, операционно-технически способны направлять кредитно-инвестиционные ресурсы к «зеленым» целям, но не имеют в настоящих условиях мотивации к быстрой и массовой секторальной перестройке. Нужна новая модель регулирования, решающая задачу эффективного использования банковской инфраструктуры для поддержания конкурентоспособности государства в глобальной экономике.

Для развития «зеленого» банкинга необходимы ясные экономические мотивы переориентации привычных доходных финансовых потоков. Как минимум – достаточная емкость рынка таких вложений и спрос на целевое финансирование. Среди множества сфер «зеленых инвестиций» (оборот мусора, рекультивация земель, сохранение биоразнообразия...) есть две достаточно крупные сферы с относительно (условно) понятными методами оценки экономической эффективности инвестирования. Это закрытие объектов «грязной» энергетики и введение объектов «чистой». Именно вложения в возобновляемые источники энергии (ВИЭ) чаще всего показывают в публикациях банки, формирующие «зеленую» репутацию [18]. В России этот сектор рынка электрогенерации пока занимает менее 1% производства [19], но перспективы его роста можно поставить под сомнение. На период до 2024 года запланировано стабильное ежегодное снижение числа вновь вводимых объектов ВИЭ: с фактических 719 в 2017 году до плановых 71 в 2024 [20]. Отсутствие масштабных планов, вероятно, обусловлено оценкой перспективного спроса на нестабильную электроэнергию ВИЭ в объеме всего 1,5 млрд кВт [21], а уже введенные мощности еще в 2019 году достигли уровня 1,19 млрд кВт,

или 80% прогноза потребности [19]. Это объективная специфика российской действительности: «углеродные» обязательства государства на 2030 год по Парижскому соглашению от 2015 года выполнены заранее, при этом годовой избыток электроэнергии 21,2 млрд кВт час производится при высокой доле условно чистых технологий генерации энергии: атом – 19%, гидро – 17% [19]. Сокращение потребности в «зеленых» капитальных инвестициях для генерирующих мощностей ВИЭ обусловлено также позитивной тенденцией падения капиталоемкости сектора: в 2016–2019 гг. удалось значительно снизить, по сравнению с 2015 г., среднюю величину плановых удельных капитальных затрат по проектам на 1 кВт установленной мощности: в солнечной энергетике этот показатель к 2019 г. упал на 59,5%, в сфере ветрогенерации – на 58,2% [22].

Не добавляет оптимизма в отношении роста объемов «зеленого инвестирования» и отчет Международного энергетического агентства от 30.04.20, который прямо указывает на неизбежность сохранения энергетики на полезных ископаемых для обеспечения нужд экономики, а следовательно, указывает и на ограничения развития ВИЭ [23].

Помимо кредитования объектов реального «зеленого» сектора с нормально длительным оборотом капитала, банкам необходимо видеть «зеленую» ликвидность на фондовом рынке. По состоянию на май 2020 года на главной бирже России – Московской, в секторе «Устойчивого развития» (там учитываются «зеленые» эмитенты), в листинге – 5 верифицированных бумаг от 2 (двух) эмитентов. Необходимо, конечно, учитывать, что сам сектор биржи был создан менее года назад, в августе 2019 года. Поле для таких инвестиций относительно невелико, особенно в России, а доходность таких вложений чаще всего «хуже рынка». Неочевидность прямых экономических выгод «зеленого банкинга» противоречит традиционным либеральным экономическим концепциям, на которые опирается общепринятая рыночная модель экономики.

По сути, традиционную экономику коммерческих банков предполагается втиснуть в пространство между «зелеными» инвестициями с низкой доходностью, но с новыми рисками, с одной стороны, и неизменными регуляторными ограничениями, с другой, при ничтожности репутационных выгод для «зеленых» банков.

Перспектива добровольного перехода на «зеленую» модель банкинга пока не имеет оснований в отечественной экономике. Любой коммерческий банк на пути «зеленой» трансформации в первую очередь утратит часть сво-

ей конкурентоспособности. Для сохранения в банковском секторе конкурентной ситуации на текущем уровне (не на предпочтительном, но на терпимом), переход банковского бизнеса на новые «социально-зелено-экологически» ориентированные приоритеты должен сопровождаться регуляторными мерами, которые обеспечат снижение значимости новых специфических рисков (например, в «зеленом» инвестировании), позволяя банкам пройти переходный период без критических утрат. Это должны быть общие прозрачные условия для всех действующих коммерческих банков.

Результаты исследования

Необходима новая модель банковского бизнеса, которая будет соответствовать конкурентным притязаниям национальной экономики (например, на 6-е место в мировом рейтинге номинального ВВП) и будет адекватна требованиям мирового финансового рынка, который очевидно разворачивается в сторону ЦУР всей мощью своих финансовых ресурсов и протекционистских рычагов.

Новая модель должна принять во внимание глобальные мотиваторы к трансформации, которые снижают эффективность работы банковского сектора по традиционной модели, фактически создавая причины для ограничения доступа на рынок заимствований. Также следует включить механизмы переоценки эффективности «зеленых» вложений/кредитов с учетом малой емкости отечественной «зеленой» энергетики. Объем потребности может быть увеличен за счет открытия рынка инвестиций в проекты рециклинга ТБО, защиты ресурсов пресной воды, в некоторой перспективе – переработки твердых радиоактивных отходов и т.п.

Новая модель должна приобрести в процессе разработки и имплементации ряд стимулов, транслирующих приоритеты ЦУР на уровень отраслевых регулирующих факторов:

- Регуляторные стимулы. Например, «экологическая» поправка к нормативу пруденциального контроля достаточности капитала Н1 или к нормативам риска RWA резервирования «зеленых» активов, целевое ограничение допуска банков к госзаказам или к заимствованиям из контролируемых государством фондов... Связь (1) на рис.1.

- Экономические стимулы. Например, субсидии для общественно значимых экологических проектов, кредитуемых банками, специальные гарантии институтов развития по «зеленым» кредитам, дотации при страховании объектов, привилегированные ставки заимствования, штрафные санкции за «ложно-зеленое» инвестирование и пр.

- Репутационные стимулы. Формирование позитивного и значимого общественного отношения к нефинансовым рейтингам кредитных учреждений по параметрам GRI и их отечественного аналога – КСО РСПП. Связь (2) на рис.1.

Рис. 2. Схема взаимодействия субъектов в инвестиционном процессе с учетом ЦУР
 (1) – правовые ограничения спроса на коммерческий результат (квоты, пошлины, налоги);
 (2) – влияние приоритетов массового инвестора на выбор институциональных инвесторов;
 (3) – физические и переходные экологические риски для банков.

Источник: проект автора.

Модель «зеленых» банков – это только часть общей модели экологически ориентированной экономики и общества в целом. Условием естественного развития модели «зеленых» банков будет трансформация окружающей экономико-правовой среды, включая новые требования к репутации финансовых институтов. Помимо надежности – необходимо также соответствие общественным ценностям, выраженным в экономических условиях, стимулирующих движение к ЦУР: система углеродных налогов на региональном, национальном и субнациональном уровнях, торможение «грязных (бурых)» секторов за счет снижения их прибыльности.

Однако в случае с экологическими обременениями затрагиваются интересы не только крупных производств, но всех элементов общества, вплоть до отдельных домашних хозяйств.

Например, прогноз для Германии показал, что при введении налога на выбросы в размере 70 долл. США за тонну CO₂-эквивалента счет за электри-

чество для обычной немецкой семьи увеличится на 10 евро в месяц (по ценам 2020 года), также подорожают авиабилеты, продукты питания, одежда и бытовые предметы. По данным государственного информационного агентства Deutsche Welle (DW), в Германии начнут с 2021 года взимать налог на CO₂-поставку в размере 10 евро за тонну. В 2025 году она возрастет до 35 евро, а позднее будет колебаться в диапазоне от 35 до 60 евро за тонну в зависимости от спроса и предложения на сертификаты, дающие право на эмиссию определенного объема CO₂ [24].

Для введения норм, перераспределяющих крупные бюджетные расходы и фискальное обременение, необходим общественный консенсус по целям развития и ответственности. В этом социально-политическом направлении дальше всех продвинулся Европейский союз – ключевой экономический партнер России. Еврокомиссия опубликовала проект документа «Климатический пакт» [25], который провозглашает необходимость формирования общего согласованного подхода к защите климата для власти, населения и бизнеса. Широкая публичная дискуссия по документу, инициированная властями ЕС 04 марта, заканчивается 27 мая 2020 года. Инициатива Еврокомиссии значима для *«мотивации к климатическим действиям, объединяя граждан, промышленность, гражданское общество и органы власти на всех уровнях. Для достижения этой цели комиссия проведет консультации с общественностью и заинтересованными сторонами с целью запуска «климатического пакта» в 3-м квартале 2020 года»* [26].

Это очень важный элемент реализации программы достижения ЦУР на общем рынке Европы. Продвигаемой планомерно, упорно, с ясно заявленной целью на высшем уровне власти. Подобного реального действия в российской общественно-политической и экономической жизни не наблюдается. В рамках основных направлений развития финансового рынка на период 2019–2021 годов предполагается «проработать вопросы формирования национальной системы финансовых инструментов устойчивого развития, организации методологической и верификационной системы по инструментам ответственного финансирования». Очевидно, что намерение «проработать вопросы к 2021 году» демонстрирует существенное отставание России в деле формирования новой модели банковского бизнеса от важнейшего экономического партнера – ЕС. Поэтому решающую роль в создании отечественной модели «зеленого» банкинга будут играть не выраженные ценности нашего гражданского общества, а глобальные мотиваторы в форме экономического принуждения извне. Эта новая форма санкций снова пойдет нам на пользу.

Заключение

Значительная часть мировой финансовой системы совершает радикальный поворот с целью профессионального отраслевого содействия достижению целей устойчивого развития ООН. В рамках этого глобального тренда уже сформированы принципы, нормативы, правила, экспертная инфраструктура, а несколько инвестиционно-банковских союзов и ассоциаций заявили о перспективах перераспределения гигантских финансовых ресурсов в пользу «зеленой экономики». Банковский сектор России критически отстает от мирового тренда, ограничиваясь точечными инициативами в сфере создания «зеленой» репутации отдельными банками (не более 4% от числа рентабельных кредитных учреждений). Необходимость внедрения новой модели функционирования банковского сектора в определенной мере обусловлена реальной угрозой введения правовых ограничений и экономических обременений на финансовое сотрудничество российских «незеленых» банков с зарубежными инвесторами, а «незеленых» компаний реального сектора – с внешнеэкономическими партнерами. В результате национальная экономика может утратить часть конкурентоспособности на глобальном рынке.

Однако у банковского сектора слабая мотивация к «зеленой» трансформации в рамках действующей модели. Почти третья часть банков хронически убыточна, практика «зеленых» инвестиций показывает доходность ниже рынка, а объем инвестиционных потребностей «зеленой» энергетики стремительно сокращается. В России ограниченный спрос на «зеленую» энергетику обусловлен устойчивым обеспечением энергетических потребностей общества с высокой долей условно чистых технологий генерации энергии: наатомную – и гидрогенерацию приходится 36%. По совокупности многих факторов страна уже сейчас выполняет свои «зеленые» обязательства по Парижскому соглашению от 2015 года – до горизонта 2030 года [11], что демотивирует развитие рынка «зеленых» инвестиций в национальную энергетику.

Поэтому мнение ряда отечественных исследователей, что «обращение к позитивным практикам зарубежного опыта должно убедить банкиров в эффективности социально-экологических принципов руководства бизнесом ...» [27], останется благим пожеланием.

При отсутствии явных экономических стимулов к новой трансформации банковского сектора, необходимо предпринимать государственные меры по формированию новой модели функционирования банковского бизнеса, контуры которой рассмотрены в статье.

Список литературы

1. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения 24.04.20).
2. Климатическая доктрина РФ // Расп. Прав. РФ. № 861-пп от 17.12.2009. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docrefstortf&oid=102134636&rvrefs=1> (Дата обращения 24.04.20).
3. Банк России. URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/statistics (Дата обращения 24.04.20).
4. Информационное письмо банка России от 23.01.2020 № ИН-01-59/27 «О рекомендациях по предотвращению недобросовестных практик при предложении и реализации финансовых инструментов и услуг». URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20200324_in_01_59-27.pdf (Дата обращения 24.04.20).
5. Лояльность россиян к банкам падает четвертый год подряд // НАФИ. Отчет 3.02.2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/loyalnost-rossiyan-k-bankam-padaet-chetvertyy-god-podryad/> (Дата обращения 26.04.20).
6. Банк России вошел в состав международного сообщества по повышению экологичности финансовой системы 12 декабря 2019 года/ Новости. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=5238#highlight=network%7Cgreening%7Cfinancial%7Csystem> (Дата обращения 23.04.20).
7. Гайдаев В. Кто и почему интересуется зелеными облигациями. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4140264> (Дата обращения 29.04.20).
8. TheEquatorPrinciplesjuly 2020. URL: <https://www.moex.com/s3019> (Дата обращения 21.04.20).
9. Global Progress Report of the Sustainable Banking Network – October 2019. URL: <https://www.ifc.org/SBN2019Report> (Дата обращения 24.04.20).
10. What is the PRI? URL: <https://www.unpri.org/pri> (Дата обращения 27.04.20).
11. Что такое взимание платы за выбросы углерода? URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2019/06/pdf/what-is-carbon-taxation-basics.pdf> (Дата обращения 04.05.20).
12. The European Green Deal. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52019DC0640&from=EN> (Дата обращения 01.05.20).
13. Заплати углеродный налог и дыши спокойно! URL: <https://www.acsratings.ru/research/1736> (Дата обращения 24.04.20).
14. Эксперт оценил идею о введении в России углеродного налога. URL: <https://ria.ru/20191204/1561963045.html> (Дата обращения 03.05.20).

15. Всемирный банк рекомендовал России ввести углеродные налоги. URL: <https://ria.ru/20191204/1561955782.html> (Дата обращения 28.04.20).
16. «Зеленая» стратегия банка «Центр-инвест». URL: <https://expert-south.ru/articles/zelyenaya-strategiya-banka-tsentrinvest/>
17. GRI's Sustainability Disclosure Database. -<https://database.globalreporting.org/>(Дата обращения 04.05.20).
18. Зеленая экономика и зеленые финансы: учебное пособие [Порфирьев Б.Н. и др] / Под ред. акад. Порфирьева Б.Н. – Спб.: Изд-во «МБИ», 2018. – 327 с.
19. Основные характеристики российской электроэнергетики. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532>(Дата обращения 25.04.20).
20. Центр финансовых расчетов энергорынка // Отчет о ходе реализации отобранных инвестиционных проектов участников ОРЭМ – генерирующих компаний в рамках ДПМ ВИЭ и ДПМ ТБО (за 1Q2020 год). URL: <http://cfrenergo.ru/upload/iblock/d3f/Otchet-na-sayt-1-kvartal-2020-goda.pdf>(Дата обращения 25.04.20).
21. «Зеленые сертификаты»: мировой опыт и планы в России. URL: <https://www.eprussia.ru/market-and-analytics/2047284.htm> (Дата обращения 25.04.20).
22. Механизмы поддержки генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии, на оптовом рынке // Минэнерго России. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/489>(Дата обращения 25.04.20).
23. GlobalenergydemandtoplungethisyearasaresultofthebiggestshocksincetheSecondWorldWar. URL: <https://www.iea.org/news/global-energy-demand-to-plunge-this-year-as-a-result-of-the-biggest-shock-since-the-second-world-war>(Дата обращения 29.04.20).
24. **Никифоров О.** Германия вводит налог на выбросы парниковых газов. URL: http://www.ng.ru/world/2019-09-23/2_7683_germany.html (Дата обращения 05.05.20).
25. EuropeanClimatePact. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/eu-climate-action/pact_en (Дата обращения 11.05.20).
26. Have your say (initiatives 12219). URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12219-European-Climate-Pact>(Дата обращения 11.05.20).
27. **Шершнева Е.Г., Кондюкова Е.С., Джафарли Л.Я., Нобрега М.А.** «Зеленый» банкинг как формат социальной ответственности в эколого ориентированной экономике//Вестник УрФУ. Екатеринбург. Серия экономика и управление. 2018. Том 17. № 4. С. 670–689.

Reference

1. Zely v oblasti ustoichivogo razvitiia. URL:<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Дата обращения 24.04.20).
2. Klimaticheskaja Doctrina Rossii // Rasp. Prav. RF № 861-rp date 17.12.2009. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docrefstortf&oid=102134636&rvrefs=1>(Дата обращения 24.04.20).
3. BankRossii. URL:http://www.cbr.ru/banking_sector/statistics(Дата обращения 24.04.20).
4. InformazionnoepismoBankaRossiiot 23.01.2020 № IN-01-59/27 «OrecomendatsiihpohredotvrascheniuintdobrosivestnihpraktikpripredlozheniiIrealizaziifinansivihinstrumentovIuslug». URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/59420/20200324_in_01_59-27.pdf (Дата обращения 24.04.20).
5. Loialnost rossian k bankam padaet 4 god podrida // NAFI. Otchet 03.02.2020. URL:<https://nafi.ru/analytics/loyalnost-rossiyan-k-bankam-padaet-chetvertyu-god-podryad/>(Дата обращения 26.04.20).
6. BankRossiivoshelvsostavmezdunarodnogosoobshchestvaropovysheniuiuecologichnostifinansovoisistemy. 12/12/19 // Новости. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=5238#highlight=network%7Cgreening%7Cfinancial%7Csystem>(Дата обращения 23.04.20).
7. **Gaidaiev V.** Kto I pochemu interesuetsia zelenimi obligaziami. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4140264>(Дата обращения 29.04.20).
8. The Equator Principles july 2020. URL: <https://www.moex.com/s3019> (Дата обращения 21.04.20).
9. Global Progress Report of the Sustainable Banking Network – October 2019. URL: <https://www.ifc.org/SBN2019Report> (Дата обращения 24.04.20).
10. What is the PRI? URL:<https://www.unpri.org/pri> (Дата обращения 27.04.20).
11. What is the carbon taxation basics? URL: <https://www.imf.org/external/en/pubs/ft/fandd/2019/06/pdf/what-is-carbon-taxation-basics.pdf> (Дата обращения 04.05.20).
12. The European Green Deal. URL:<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52019DC0640&from=EN>(Дата обращения 01.05.20).
13. Zaplati uglerodnii nalog I dishi spokojno! URL:<https://www.acsratings.ru/research/1736>(Дата обращения 24.04.20).
14. ExpertozenilideuiiovvedeniivRossiuglerodnogonaloga. URL: <https://ria.ru/20191204/1561963045.html>(Дата обращения 03.05.20).
15. Vsmirnii bank rekomendoval Rossii vvesti uglerodnie nalogi. URL: <https://ria.ru/20191204/1561955782.html>(Дата обращения 28.04.20).

16. «Zelenaia» strategiya banka «Centr-Invest». URL:<https://expertsouth.ru/articles/zelenaya-strategiya-banka-tsentrinvest/>
17. GRI's Sustainability Disclosure Database. URL: <https://database.globalreporting.org/>(Датаобращения 04.05.20).
18. Zelenaya ekonomika i zelenye finansy: uchebnoe posobie [Porfir'ev B.N. i dr] / Pod red. akad. Porfir'eva B.N. – Spb.: Izd-vo «МБИ», 2018. – 327 s.
19. Osnovniecharakteristikirossiiskoieneergetiki. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532>(Датаобращения 25.04.20).
20. Centrfinsovihraschetovenergorinka // OtchetohoderealizatsiiotobrannihinvesticionnihproektovuchastnikovOREM – generiruiuschihkompaniiivramkahDPMVIEiVIETVO. 1Q2020. (Дата обращения 25.04.20).
21. «Zelenie sertifikati»: mirovoy opyt I plani v Rossii. URL: <https://www.eprussia.ru/market-and-analytics/2047284.htm> (Дата обращения 25.04.20).
22. Mekhanismipodderzki generiruiuschihob'ektov, funkcioniruiuschihnaosnovevozobnovliaemihistochnikovenergiinaoptovomrinke //MinEnergoRossii. URL:<https://minenergo.gov.ru/node/489>(Дата обращения 25.04.20).
23. Global energy demand to plunge this year as a result of the biggest shock since the Second World War. URL:<https://www.iea.org/news/global-energy-demand-to-plunge-this-year-as-a-result-of-the-biggest-shock-since-the-second-world-war>(Дата обращения 29.04.20).
24. **Nikiforov O.** Germaniavvoditnalognavibrosyarnikovihgasov. URL:http://www.ng.ru/world/2019-09-23/2_7683_germany.html(Дата обращения 05.05.20).
25. European Climate Pact. URL:https://ec.europa.eu/clima/policies/eu-climate-action/pact_en(Датаобращения 11.05.20).
26. Have your say (initiatives 12219).URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12219-European-Climate-Pact> (Датаобращения 11.05.20).
27. **Shershneva E.G. i dr.**«Zelenii» banking kak format socialnoi otvetstvennosti v ecologo orientirovannoi ekonomike // Vestnik UrFU. Ekaterinburg. Seria ekonomika i upravlenie. 2018. Tom 17. № 4. s. 670–689. Датаобращения 25.04.20.